

ОБРАЗ ДОМАШНЕГО УЧИТЕЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

Мануилова А.В.,

научный руководитель канд. филол. наук Бахор Т.А.

*Лесосибирский педагогический институт –
филиал Сибирского федерального университета*

В русской литературе второй половины XIX в. отчетливо проявляется интерес к национальным особенностям жизни человека. Писатели этого периода меняют акценты в изображении привычных для читателя явлений. Особенно отчетливо это мы видим в воплощении образа учителя, неперемного персонажа «усадебных» романов и драм этого времени. Образ учителя получает национальное прочтение у И. С. Тургенева, И. А. Бунина и др.

В XVIII - нач. XIX вв. в русской литературе при изображении образовательных и воспитательных аспектов жизни семьи акцент ставился, прежде всего, на иностранном происхождении учителя. Например, в первой русской реалистической комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» (1781 г.) среди трех учителей Митрофанушки - Цыфиркин, Кутейкин, Вральман - главенствующую роль автор отдает последнему. Это подтверждается тем, что Вральман в афише указан как «учитель» (в отличие от других Кутейкин – «семинарист», Цыфиркин – «отставной сержант» [1, с. 80]), отношение к нему Г-жи Простаковой и других героев иное, чем к отечественным наставникам: «...Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города... По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно – лошадь...» [1, с. 86]. Рассмотрим особенности изображения национальных черт учителей, изображенных Фонвизиним. Каждый из этих персонажей прошел свой путь к преподаванию. Так Пафнутий Цыфиркин раньше «был гарнизонным, а нынче пошел в чистую (т.е. в отставку)...» (знание счета, высокие ценности – отвага, честь, служба и др.), Сидорыч Кутейкин - недоучившийся семинарист местной епархии, во время учебы посещал класс риторики (знание церковных текстов). Адам Адамович Вральман до событий, изображенных в комедии, работал три года кучером у Стародума. Лишившись места из-за отъезда Стародума в Сибирь, он пошел в учителя, так как не мог найти себе другой работы. Г-жа Простакова рассказывает Правдину, как она взяла Вральмана на работу – «...в Москве же приняли иноземца на пять лет и, чтобы другие не сманили, контракт в полиции заявили...». К. Пигарев в своей книге «Творчество Фонвизина» так прокомментировал этот факт: «...по изданному в середине XVIII в. указу иностранцы, желавшие стать учителями в частных домах или содержать пансионы, обязаны были сдавать экзамены в Московском университете или в Петербургской Академии наук. Лица, принимавшие иностранцев для обучения детей без аттестата, подвергались штрафам. Значит, все сделано в обход закона...». Тем самым мы видим, что Г-жа Простакова не только берет на работу в качестве наставника для своего сына необразованного кучера, не только заключает договор заранее «чтобы другие не сманили...», но и переступает закон лишь для того, чтобы Митрофанушку обучал иностранный преподаватель. Обратимся теперь к содержанию образования, т.е. чему учат преподаватели. Цыфиркин и Кутейкин, как представители отечественной школы, обучают Митрофанушку тому, что окружает его в повседневной жизни помещика того времени: задачи на подсчет денег, изучение церковных текстов и др. В отличие от них, Вральман часто цитирует несвойственного для русских учителей Аристотеля («...так сказать, Аристотелис»), хотя и иностранец, но научить

Митрофанушку французскому языку не может т.к. не знает его, не уступает в своем невежестве Простаковой и Скотинину («...как путто пы россиски тфорянин уш и не мог ф сфете аванзировать пез россиской крамат!»), в комедии нет описания хотя бы одного занятия Вральмана с Митрофанушкой. Таким образом, пользуясь полным невежеством Простаковой, учитывая ее взгляды на образование («Он ребенка неволит. Вить, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота́ его и понежить...», «Без наук люди живут и жили...»), потакая лени самого ученика и хваля его без повода, Вральман является лишь номинальным учителем. Мало того, что он не учит его, так он и мешает, по мнению Кутейкина и Цыфиркина, их профессиональной деятельности («А кто виноват? Лишь он грифель в руки, а немец в двери...», «Тут мой ли грех? Лишь указку в персты, басурман в глаза. Ученичка по головке, а меня по шее»). Важно отметить, что как трансляторы русского менталитета Цыфиркин часто использует в своей речи русские пословицы и поговорки («Дела не делай, от дела не бегай», «у нас российская пословица: собака лает, ветер носит...»), Кутейкин цитирует псалтирь («...во псалтири именно напечатано: «И знак на службу человеком»... и в другой псалтири напечатано то же...»), использует церковнославянские слова («уста», «глаголаша», «грешник», «окаянный»), при этом зачастую перемежая их в своем лексиконе грубыми, просторечными словами («буркалы», «басурманы»). Все это демонстрирует их близость к простому русскому народу. Несмотря на все это, автор уделяет большое внимание, ставит выше образ учителя – немца Вральмана.

Как справедливо замечает И.А. Ворон, в XIX в. «фонвизинская бинарная типология утрачивает свою однозначность: «низкий» тип учителя (дядьки, дьячки, няни) становится носителем глубоких душевных качеств, духовных традиций народа». Интерес И.С. Тургенева к бытовым, социальным, историческим реалиям середины XIX в. способствует углубленной художественной интерпретации темы учителя.

В произведениях русской литературы XIX в. мы видим, как на первый план выходит образ русского педагога, транслятора национального менталитета. Это феномен представлен в пьесе И. С.Тургенева «Месяц в деревне» (1855), которая первоначально имела название «Студент». Используя подобное заглавие, автор хотел сформировать у читателя определенную установку в восприятии героев своего произведения: образ Алексея Николаевича Беляева определялся как центральный во всей комедии. Принимая во внимание данный факт, можно сделать вывод о том, что по существу, «Месяц в деревне» - одно из произведений, воплощающих размышления писателя об учителе, образ которого центральный в произведении. В комедии два учителя - студент, учитель Беляев и немец-гувернер Шааф. Алексей Николаич Беляев – двадцатидвухлетний студент, принадлежащий к новому поколению, воплощающий новые социальные силы русского общества того времени - к разночинцам. Этот факт во многом обуславливает его живое поведение в усадьбе - не скованный кодексом дворянской чести, он смог едва появившись в доме, разрушить сложившийся не за одно десятилетие, размеренный быт дворянского гнезда. В пьесе есть сведения о его семье «Мать умерла, отец жив...живет в деревне...Есть сестра... Люблю ее...она гораздо моложе меня... Ее зовут Наталья... в детстве мной никто не занимался... Он [Отец] все больше по соседям ездил... по делам-с... или хотя и не по делам, а... он через них, можно сказать, хлеб свой добывал. Через свои услуги...». Давая нам подобную характеристику, автор отмечает, что, несмотря на тяжелое детство, для Беляева существует и остается неизменным со временем ценность семьи. Близость к корням, к простому русскому народу также отмечается в его любви к народным песням (Сцена сбора малины – «Что же ты перестала, Катя? (Поет)... А кипит-горит по красной девице...»), в его признании лени («...Мне лень долго работать; особенно одним и тем же предметом заниматься мне лень...», «Я ленив - Зачем же вы ленитесь?- А бог знает!

Таким уж, видно, родился...»). Таким образом, перед нами характеристика преподавателя Беляева как русского человека, выстраивающего гармоничные отношения с природой. Рассмотрим его профессиональную деятельность.

Уже с первых минут своего присутствия в доме Ислаевых, молодой педагог находит подход к своему ученику и становится для него близким человеком: «Ах, папан! как Алексей Николаич на деревья лазит! Он меня хочет выучить, и плавать тоже он меня выучит. Он меня всему, всему выучит! (Прыгает)...Я его очень люблю, папан, очень!» [2, с. 175]. В ремарках отмечена динамика поведения десятилетнего Коли: он показывает лук и стрелы, указывает на Беляева, прыгает, убегает. Его эмоциональное волнение отражается и в речи. Учитель, как подобает профессионалу и воспитанному человеку, ведет себя сдержанно. Обсуждая Беляева, хозяйка дома, Наталья Петровна, и друг семьи, Михайло Александрович Ракитин, подчеркивают две важные его характеристики: молодой возраст и национальная принадлежность («Что он за человек, этот русский?...» [2, с. 173], «А новый наш учитель, русский...» [2, с. 187], «Этот русский учитель...» [2, с. 205]). Необходимо отметить, что И.С. Тургенев, не смотря на то, что во второй половине XIX в. традиционно воспитанием дворян занимались учителя - иностранцы, в романах изображает тоже русского учителя (таков, например, Басистов в романе «Рудин»), т.е. для писателя русский учитель - характерное явление, позволяющее говорить о таком типе учителя.

Органичное пространство для Беляева - природа. Такое же отношение к природе он пытается сформировать в своем ученике. Занятия с Колей обычно проходят в саду, педагогической тактикой молодого преподавателя становится не воздействие, не главенство, а принцип деятельной кооперации (например, совместная работа над созданием воздушного змея). Все занятия происходят играючи, во взаимодействии с природой: «...играли-с; бегали-с. Сперва мы смотрели как плотину копают, а потом Алексей Николаич за белкой на дерево полез, высоко-высоко, и начал верхушку качать... А потом Алексей Николаич Коле лук сделал... да так скоро... а потом он к нашей корове на лугу подкрался и вдруг ей на спину вскочил... корова испугалась и побежала, забрыкала... а он смеется... потом Алексей Николаич хотел нам змея сделать, вот мы и пришли сюда... Там качели Алексей Николаич устроил...». Речь и голос являются важными личностными характеристиками учителя. Наталья Петровна слышит пение учителя в саду и говорит, что он прекрасно поет, что у него «очень приятный, звонкий голос...» [2, с. 190]. Второй преподаватель, немец-гувернер Адам Иванович Шааф, играет с хозяевами дома в преферанс, не находит живого отклика ребенка, читает одни лекции, не проводит занятий на природе (Беляев – «...и охота в такую погоду ребенка в комнате держать!»), заставляет мальчика слушать себя «Шааф. (резко). Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faule Leute... Kommen Sie... {Завтра, завтра, не сегодня, так ленивцы говорят... Идемте (нем.)} Коля упирается» [2, с. 182]. Использование подобной немецкой поговорки «Завтра, завтра, не сегодня так ленивцы говорят», исполнение немецких народных песен свидетельствует об его обращенности не к России, а к своим национальным корням. Вывод этого противопоставления делает сам автор в лице Ракитина «...они там змея делают, а здесь вот ему урок хотят задать», тем самым подчеркивая естественность первого занятия и принудительный характер второго.

Таким образом, изображая в произведении два разных подхода учителя к ученику, подчеркивая то, что Беляев, завоевавший любовь своего воспитанника – русский, И.С. Тургенев ставит вопрос о важности национального элемента в воспитании молодого поколения и в жизни русского общества того времени в целом.